

Рене Бернард
Страсть в жемчугах
Серия «Искушенные джентльмены», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7498103
Бернард, Рене Страсть в жемчугах : роман: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-081384-1

Аннотация

Кто бы мог подумать, что таинственный шантажист, который держит в страхе высший свет Лондона, – это молоденькая модистка Аннабелл Ханикоут, которой просто нужны деньги на лечение больной матери.

Однако «преступное» занятие Аннабелл становится опасным, когда девушка, сама того не желая, страстно влюбляется в одну из своих «жертв» – графа Хантфорда и, потеряв голову, безраздельно отдается во власть этого опытного обольстителя. Но счастье ее длится недолго – после скандала Аннабелл понимает: ради спасения любимого придется открыть ему всю правду...

Что может быть для художника страшнее утраты зрения?

Джозайя Хастингс понимает – времени у него все меньше, и ему остается написать только одну картину – последний свой шедевр.

Но где найти источник вдохновения? Неожиданно Хастингс встречает свою музу – бедную красавицу Элинор Бекетт, которую спасает от рук домогавшегося ее негодяя.

Поначалу отношения Джозайи и Элинор носят чисто деловой характер. Однако постепенно его восхищение красотой и незаурядностью девушки перерастает в затаенную страсть, которая рано или поздно вырвется на свободу...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	37
Глава 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Рене Бернارد

Страсть в жемчугах

*Днем и ночью берег я жемчуг души своей.
Теперь в океане жемчужных дорог
Я потерял, какая из них моя.*

Руми¹

Renee Bernard
PASSION WEARS PEARLS

Печатается с разрешения издательства The Berkley Publishing Group, a member of Penguin Group (USA) Inc.

и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© Renee Bernard, 2012

© Перевод. Н.Н. Аниськова, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Глава 1

Лондон

Январь 1860 года

– Ущипни щеки, глупая девчонка! У тебя такой вид, будто ты вот-вот в обморок грохнешься! – Мадам Клермон рывком, выдававшим ее скверный характер, раздвинула шторы на окнах магазина. – У нас и без того мало покупателей, а ты еще и отпугиваешь их своим видом, наводя на мысли, что я нанимаю больных девиц!

Элино́р Бекетт послушно пощипала щеки и стала поспешно готовить прилавки. Магазин мадам (вернее – дамское ателье, примостившееся на краю Мейфэра) был довольно фешенебельный и имел богатых клиентов, однако дама вечно жаловалась на ужас жизни на краю финансовой пропасти. Времена для владельцев небольших магазинчиков были трудные, особенно в зимние месяцы, когда многие лондонские леди перебирались в свои загородные владения, спасаясь от копоты и болезней зимнего города.

Суетились все четыре продавщицы – готовились встретить первых клиентов. Элино́р отвела глаза от лица хозяйки и выложила на прилавок шерстяную накидку. Она получила это место полгода назад и жила в страхе неминуемого увольнения. Но скудная плата и бесконечные часы над шитьем все же были привлекательнее, чем ледяной холод улиц Лондона.

Стоявшая сзади мадам Клермон неодобрительно фыркнула.

– А где красное бархатное вечернее платье? Мне нужно, чтобы миссис Карлайл увидела его, когда придет! Эта женщина обожает красный цвет. Не моргнув глазом она заплатит любую цену – какую я назову!

– Оно не готово, мадам, – тихо сказала Элино́р, опустив голову, трепеща перед неизбежным выговором.

– Это еще почему?..

– Вы велели мне отложить его и закончить дорожный костюм миссис Белл. Я всю ночь работала над каймой. Миссис Белл придет за костюмом сегодня, и... я уверена, вы будете довольны.

Однако мадам Клермон, которая на самом деле звалась «миссис Эммалина Смит из Чипсайда», была явно недовольна.

– Я ничего подобного тебе не говорила! Не стой тут с самодовольным видом! Я ждала, что ты выполнишь всю работу в срок! Я плачу честные деньги за честную работу, а не за то, что ты изображаешь ясновидящую и притворяешься, будто разбираешься в моих делах!

– Да, мадам, – ответила Элино́р, стараясь успокоиться. И на несколько секунд воцарилась гнетущая тишина (остальные девушки молча наблюдали за происходящим). – Я смогу поработать над платьем между примерками, ведь миссис Карлайл придет попозже. И еще. Чтобы оно произвело хорошее впечатление, я могу работать над отделкой до...

– Ты закончишь его к тому моменту, когда она переступит этот порог! Или сама купишь это платье: я за него у тебя из жалованья вычту!

– Ох, мадам!.. Но я не могу позволить себе...

Пощечина положила конец протестам Элино́р. Лицо же мадам Клермон прояснилось, и она, успокоившись, проговорила:

– Если ты закончишь платье в срок, за него заплатит миссис Карлайл. И тогда мы с тобой забудем об этом неприятном инциденте. Ты научишься успевать, когда я прошу, и мне не придется напоминать тебе о последствиях твоего неповиновения. Я понятно объяснила?

Элино́р потребовалось все самообладание, чтобы не потрогать горевшую щеку. Отчаянная ярость жгла грудь – под стать жгучей боли от пощечины.

«Как я здесь оказалась? – думала девушка. – Я пала так низко, что эта женщина имеет надо мной власть... А я киваю, глотаю несправедливость как горькую микстуру и говорю себе, что мне повезло, так как меня не выкинули на холод. О Господи!..»

– Понятно, мадам.

Элинор присела в реверансе и повернулась, чтобы ретироваться в кладовую. Руки у нее тряслись от голода, и «лекарства» от этого не будет еще несколько часов. Если она такая бледная, так это от бессонных ночей и недоедания, хотя другая миссис Смит все же кормила ее.

Сестра мадам Клермон держала пансион, в котором Элинор выделили крошечную комнату, но еженедельно вычитали из ее жалованья плату за жилье. Сама же мадам Клермон ловко и постоянно взимала «штрафы», как она выражалась, за нарушения в магазине – реальные или надуманные, – что делало доходы Элинор прямо-таки ничтожными.

«Я не заплачу, не позволю ей заставить меня плакать. Ведь я взрослая женщина, мне уже двадцать три года», – говорила себе Элинор, единственным утешением которой было то, что подобная работа считалась уважаемой для женщины в ее положении. А она твердо решила, что уважительность для нее самое важное в жизни.

Элинор со вздохом закрыла глаза и прислонилась к полкам с тканями; она пыталась игнорировать все жалобы тела и ужас нищеты. Что сказал бы сейчас отец? Что-нибудь о том, что настоящая леди никогда не жалуется, но добивается успеха мягкой решимостью... Или вспомнил бы какие-либо возвышенные слова из книги о правилах хорошего тона.

Она расправила плечи и открыла глаза. Ни одной секунды, потраченной на жалость к себе, обратно не вернешь. Элинор решила, что красное бархатное платье – это дракон, которого ей придется убить, чтобы доказать своей работодателнице, что она умеет сохранять достоинство. Визит миссис Карлайл был назначен на пять пятнадцать, и управиться до этого времени сумел бы только волшебник. Кроме того, в десять явится миссис Лоусон со старшей дочерью – проконсультироваться насчет свадебного наряда.

Элинор начала бороться с рулонами тканей, пытаясь вытащить образцы, которые, на ее взгляд, могли понравиться молодой клиентке.

– Мадам сегодня сплошь шипы и колючки, – прошептала вошедшая в кладовую Мэгги – ей было всего семнадцать, но она обладала мудростью зрелой женщины. – Не обращайтесь на нее внимания, мисс.

– Похоже, я ничего не могу сделать правильно!

– Вовсе нет, мисс. Она взялась на вас с самого начала, и с этим ничего не поделаешь.

– Тогда она наверняка меня выгонит...

– Никогда! Она была вне себя от радости, заполучив вас. Ведь ваше мягкое тактичное обращение с клиентками придает ее заведению достойный и уважаемый вид. Дела мадам уже пошли на лад, и, думаю, дело вовсе не в ее уверениях, что подбитые конским волосом нижние юбки никогда не выйдут из моды.

Элинор зажала ладонью рот, чтобы удержаться от смеха. Мэгги, единственная из девушек, тепло относившаяся к ней, продемонстрировала нечто большее, чем простая вежливость. Остальные, вышедшие из низов среднего класса, смотрели на Элинор с настороженностью и подозрительностью, когда она, сжимая в руке рекомендательные письма, впервые появилась на пороге мадам Клермон. Девушки словно почувствовали, что Элинор не из их круга. Они обвиняли ее в том, что она важничает и держится надменно.

– Не надо так говорить, Маргарет.

Мисс Мэгги Бичем с улыбкой пожала плечами.

– Но я ведь говорю правду, не так ли?

Элинор со вздохом покачала головой и поправила сверток голубого полосатого габардина наверху стопки тканей.

– Хотела бы я иметь вашу уверенность, Мэгги. Я слишком дорожу этим местом, чтобы быть легкомысленной, но ценю ваше отношение. Мне только хотелось бы знать, как лучше выйти из этой ситуации. Ведь работаю изо всех сил, но все равно каждую неделю получаю лишь часть зарплаты.

Мэгги сочувственно кивнула.

– Это ужасно, мисс...

– И я, как скряга, трясусь над каждым пенни, – продолжала Элинон. – Я слышала, девушки говорили о приработке на стороне, но вообразить не могу, как в сутках найти лишнее время.

– Вы здесь всего несколько месяцев и пока не освоились. Но с вашей красотой и прекрасными манерами вы скоро найдете способ...

– Мисс Бекетт! Время – деньги! Я хочу, чтобы первая примерочная была полностью готова, когда появится миссис Лоусон с дочерью. Если у вас есть время на праздную болтовню, вы, вероятно, сможете себе позволить получить на несколько шиллингов меньше в конце недели.

– Нет-нет, мадам Клермон! Я немедленно за всем прослежу!

Рулоны тканей были довольно тяжелые, и у Элинон от них заныли плечи, но она все же несла свертки по узкому коридору весьма грациозно. Первая примерочная была довольно уютная, Элинон была рада ею пользоваться, поскольку в углу стояла маленькая угольная печка, отгонявшая январский холод Лондона. Все примерочные в магазине всегда зимой согревали для удобства клиенток, поэтому Элинон с удовольствием туда заходила, чтобы согреться.

Через несколько минут она красиво разложила ткани на краю стола. Картинки с модными фасонами были у нее заранее подобраны, так чтобы юная мисс Лоусон могла должным образом подготовиться к свадьбе. Элинон рискнула выбрать на свой вкус атлас цвета слоновой кости и ошеломляющую персиковую органзу – просто на всякий случай. Мисс Лоусон уже объявила, что ее свадебное платье будет из Парижа, и Элинон не возражала, так как знала, что юная леди вполне могла и передумать... И в этом случае мадам Клермон, возможно, добавила бы немного к ее, Элинон, жалованью.

– Мисс Бекетт, как приятно вас видеть! – приветствовала ее у двери примерочной миссис Лоусон. – Скажите, а вы помните мою дочь Клодию?

– Да, конечно, миссис Лоусон. Спасибо, что оказываете честь нашему магазину. – Элинон улыбнулась, искренне радуясь ее появлению. – Но вы пришли раньше? Или я грежу наяву?

Миссис Лоусон рассмеялась.

– Мы пришли раньше, потому что Клодия без умолку говорит о свадьбе, а я горю желанием видеть дочь счастливой.

– Ах, миссис Лоусон! – За их спинами появилась мадам Клермон. – Как неучтиво со стороны мисс Бекетт заставить вас самой искать дорогу сюда!

– Вовсе нет. Мы пришли раньше назначенного времени, а тут у вас вовсе не лабиринт. – Миссис Лоусон снова рассмеялась и добавила: – К тому же я бесстрашная женщина. Ах, мадам, не могли бы вы предложить мне чашку чаю?

Мадам Клермон что-то проворчала, но тут же расплылась в улыбке, вспомнив, какую внушительную прибыль сулит заказ миссис Лоусон.

– Да, конечно. Сейчас велю Бриджетт все принести...

Элинон знала, что придется расплачиваться за то, что она стала свидетельницей того, как мадам Клермон поставили на место, но с этим уже ничего не поделать.

– Мисс Лоусон, не хотите ли присесть и посмотреть новые фасоны? Я подбирала их, думая о вас.

Девушка улыбнулась и кивнула. Пухленькая и хорошенькая мисс Клодия Лоусон была застенчивым созданием с мягким нравом. По контрасту с остроумной и решительной матерью она являла собой воплощение сдержанности.

– Спасибо, мисс Бекетт.

Миссис Лоусон направилась к столику с тканями, на ходу снимая перчатки, чтобы пощупать органзу. Элинон наблюдала за ней краем глаза. Не была ли она слишком смелой, сделав столь неожиданное предложение?..

– Это ошибка, миссис Лоусон! – Мадам Клермон всплеснула руками. – Я ведь говорила мисс Бекетт...

– Какая красота, – тихо сказала миссис Лоусон – все ее внимание было поглощено мерцанием шелковой органзы, которую она держала в руках. – Кажется, что ткань почти золотая, правда? Но на свету видно, что она скорее персиковая... Я просто очарована, мадам. – Она взяла сверток и, устроившись рядом с дочерью на диванчике, спросила: – Божественно, правда, Клодия? Из нее выйдет чудесное свадебное платье.

Девушка просияла:

– Да, мне очень нравится. Но эта ткань слишком роскошная для...

– Для тебя нет ничего слишком роскошного, дорогая. – Миссис Лоусон ласково улыбнулась дочери, потом обратилась к мадам Клермон: – Вы можете сшить еще и свадебное платье вдобавок к дорожным костюмам и дневным туалетам, которые мы планировали?..

– Конечно, миссис Лоусон! У меня есть самые последние фасоны – на ваш выбор. И мы можем приготовить все, что нужно... когда пожелаете! – воскликнула мадам Клермон, явно взволнованная столь выгодным заказом. – Я оставлю вас на несколько минут с мисс Бекетт, пока подберу образцы.

Она ушла, и Элинон, стараясь сдержать вздох облегчения, спросила:

– Вы позволите приложить к вам персиковую органзу, мисс Лоусон? Если станете сюда, я разверну ткань и вы сможете увидеть себя в зеркале. Тогда можно будет лучше представить, как она будет выглядеть на вас.

Клодия тотчас поднялась и чудесно зарумянилась, когда Элинон накинула ткань ей на плечи и обернула вокруг талии.

– Видите? Цвет подходит к коже и делает волосы совсем золотыми. Как повезло, что у вас такие красивые белокурые волосы, мисс Лоусон.

– Локоны как у ангела – так говорит ее отец! – воскликнула миссис Лоусон. – Его золотая девочка...

– Ваши волосы мне нравятся больше, – возразила Клодия, разглядывая ярко-медные пряди, обрамлявшие лицо Элинон.

Та густо покраснела и поправила свою кружевную наколку, чтобы спрятать непокорные кудри. Элинон не любила цвет своих волос и выросла под аккомпанемент шуток – ее дразнили то рыжей макушкой, то фейерверком.

– Не может быть, – сказала она и попыталась отвлечь внимание клиентки шуткой: – Они вам сразу разонравились бы, если бы вы попытались расчесать их и укротить!

Она стояла рядом с Клодией, и в зеркале отражались две совершенно разные молодые женщины. Клодия была маленькая, Элинон – значительно выше. Клодия с ее светло-голубыми глазами и белокурыми локонами походила на воздушное персиковое пирожное; Элинон же, в черном платье с блестящими черными пуговицами и черной отделкой, чувствовала себя привидением. Сложение у нее было пропорциональное, но не чувственное – далекое от столь желанной модницами фигуры в форме песочных часов. Она завидовала изысканной красоте мисс Лоусон, завидовала цвету ее кожи и волос. Элинон была от природы бледная, с худым лицом, и мать однажды, назвав эльфом, сказала, что ее подкинула лесная фея, решив, что оставить у порога рыжеволосое дитя – это отличная шутка. Поэтому маленькая Элинон и

мечтала научиться волшебству – чтобы в любой момент исчезать из детской и отправляться за сладостями.

Решив направить разговор в безопасное русло, Элино́р с улыбкой сказала:

– Расскажите о своем женихе, мисс Лоусон.

– Он барристер², и папа говорит, что самый пылкий оратор во всей Британии.

– Мистер Лоусон сказал, что никогда не видел, чтобы человек одним только голосом подчинил себе суд, как это сделал наш дорогой мистер Таплин. Но видели бы вы его рядом с Клодией!.. – Миссис Лоусон начала просматривать фасоны платьев. – Он тогда становится мягким как масло...

Клодия от этой реплики разругнулась и опустила ресницы.

– Когда он приехал к нам впервые, я сказала ему, что слишком тихая, чтобы заинтересовать его, но он ответил, что ему нравится тишина... для разнообразия.

Миссис Лоусон просияла и, шагнув к дочери, воскликнула:

– Он тебя обожает! – Она повернулась к Элино́р. – Действительно обожает. Я сначала думала, что это смешно: ведь он такой громкоголосый и слишком резкий для моей робкой девочки, – но этот человек становится как воск в ее руках – никогда не видела такой драматической перемены. Клянусь, он даже начинает заикаться всякий раз, когда она дуется.

– Я никогда не дуюсь, – мягко запротестовала Клодия и тут же надула свои розовые губки. – А Сэмюел никогда не заикается.

Миссис Лоусон заговорщически подмигнула Элино́р, но промолчала.

Элино́р же отступила на шаг, чтобы не мешать клиенткам насладиться также и переживаниями атласа, отрез которого она только что перед ними выложила.

– Ваш жених производит прекрасное впечатление, мисс Лоусон. И как же ему повезло, что он встретил вас. Вам будут завидовать все женщины в Англии!

У Элино́р от собственных слов перехватило дыхание. Ах, какая же женщина не желала бы этого – стать избранницей мужчины с будущим и знать, что он тебя обожает? Элино́р всегда считала, что и она однажды будет примерять свадебный наряд. Когда-то у нее было огромное приданое, и ее даже специально учили вести домашнее хозяйство, а теперь...

Нет-нет, Элино́р тосковала вовсе не по утраченной роскоши, а по родителям. После их смерти умерли все ее мечты. Никогда она не будет стоять рядом с мамой в подвенечном платье или сидеть рядом с отцом и вслух читать его любимые книги.

«Все ушло. И как странно вспоминать себя прежнюю – абсолютно уверенную в том, что ничто не изменится без моего желания».

– Мисс Бекетт... Вам нехорошо?

Вопрос миссис Лоусон, заданный с самыми лучшими намерениями, вернул Элино́р к реальности.

– Нет, все в порядке, просто я...

Ее перебила появившаяся в дверях мадам Клермон:

– Она просто перегрелась, сидя слишком близко к печке. Проветритесь, мисс Бекетт, а я пока обговорю с миссис и мисс Лоусон все детали их заказа.

Это заявление было слишком категоричным и резким, так что Элино́р пришлось поспешно ретироваться. А мадам Клермон принялась демонстрировать клиенткам образцы лент и перьев.

«Подумать только – перегрелась! Да я пальцев от холода не чувствую, злобная курица!» – мысленно воскликнула Элино́р. Проходившая по узкому коридору Бриджетт, которая несла обещанный чай, с усмешкой посмотрела на нее.

² Адвокат высшего ранга, имеющий право выступать во всех судах.

– Красное бархатное платье ждет вас на рабочем столе, мисс. Но мадам велела вам сначала узнать, не нужна ли помощь другим. Она сказала, что у вас масса времени, так что вы можете нам помочь.

– Так и сказала? – Элинор проглотила саркастический смешок, сознавая, что вражда с Бриджетт ничего ей не даст.

– Да, так и сказала. Но я бы на вашем месте не волновалась.

– Это почему же?

– Потому что... – По лицу Бриджетт медленно растекалась гадкая улыбка. – Потому что красный вам идет. – С этими словами она неспешно двинулась дальше.

– Еще немного свечей, и вы спалите дом, сэр. – В едком замечании слуги явно не хватало яду, когда он осторожно поставил очередной канделябр на стол хозяина.

Звучно стукнувшись о столешницу, канделябр на четверть дюйма утонул в мягком воске, оплывавшем с десятков свечей разнообразной высоты и толщины, – таково было эксцентричное требование Джозайи Хастингса, желавшего обеспечить себе как можно больше света.

Джозайя улыбнулся. Он нанял этого пожилого человека и его жену, вернувшись в Англию, и его настороженность по отношению к слугам, которую считали высокомерием, вскоре исчезла под напором неизбывной доброты этих людей.

– У меня наготове ведро воды и зола, мистер Эскер, а также полная уверенность, что вы окажетесь рядом даже раньше, чем я успею поднять тревогу.

– Вы правы, сэр. – С этими словами мистер Эскер удалился в свое жилище на третьем этаже.

Апартаменты Джозайи занимали два этажа пятиэтажного кирпичного дома, бывшего когда-то небольшой мебельной фабрикой и жилищем ее хозяина. Джозайя купил дом и приспособил для собственных целей, устроив на самом верхнем этаже художественную студию, а этажом ниже – себе жилище. Первые два этажа пустовали, и этот факт тревожил и сводил с ума его друга Майкла Радерфорда. Майкл сохранил присущий солдату стратегический взгляд на мир, и Джозайя часто шутил: мол, бедолага, оказавшись в гостях, первым делом оценивает защищенность гостиной и только потом – да и то не сразу – замечает ковры.

Но Джозайя давно не интересовался крепкими стенами, которые оградили бы его от всевозможных бед и неприятностей. Тюремное заключение в Индии изменило его отношение к таким бедам, как грабители и убийцы, каковых он теперь считал как меньшим злом из всех прочих.

Из группы англичан, бежавших из подземной тюрьмы в лохмотьях, но по иронии судьбы с набитыми драгоценными камнями карманами, никто теперь не смотрел на мир по-прежнему.

«Время меняет человека. Гм... время и несколько месяцев питания каким-то отвратительным месивом и солоноватой водой», – частенько говорил себе Джозайя.

Однако недавние события заставили его признать, что времена самодовольства и благодушия прошли. Жена Эша чуть не умерла от яда, предназначавшегося мужу, – то была прямая атака на «Отшельников», которую предотвратил Роуэн. Что же касается нынешнего времени, то их план – следовало отпугнуть неизвестного врага – был близок к выполнению и они тщательно готовились к решительным действиям.

Джозайя снова повернулся к холсту на мольберте у стола. Привычными движениями, в которых сквозила торжественность ритуала, он затянул на талии фартук, вытащил из кармана кожаный шнурок, откинул назад свои длинные волосы и собрал их в хвост на затылке. Дополнительные свечи придавали чистому пространству холста неотразимое сияние – даже

сейчас, когда яркое послеполуденное солнце светило в окна. Запах льняного масла и краски манил, и Джозайя вытащил из вазы кисть – ее вес и подходящий размер его успокаивали.

«Вперед, Хастингс. Давай нарисуем схематическую фигуру собаки и назовем это... триумфом. Или же... Давай нарисуем хоть что-нибудь. Попробуем?»

Джозайя закрыл глаза; он ждал, когда пляска серого и черного цветов успокоится, сменившись синевато-серым грифельным оттенком, который давал простор его воображению. И каждый глубокий вдох был приглашением к вдохновению. Джозайя старался быть терпеливым, но перед его мысленным взором возникали только размытые тени старых пейзажей.

Он тяжело вздохнул.

«Живее, Хастингс! Или тебе нужен божественный пинок?..»

Но ничего не происходило. Джозайя открыл глаза, чувствуя отвращение к бесцельной погоне. Неделями и месяцами он не находил ничего, что расшевелило бы его душу и дало бы нужную для творчества решительность.

Снова вздохнув, Джозайя провел ладонью по глазам.

– Серый, серый, серый... Как это возможно, что все в мире, о чем человек может думать, только серое?

– Может, перемена обстановки изменит что-нибудь к лучшему? – спросил неожиданно появившийся в дверях Роуэн Уэст.

Джозайя резко повернулся, едва не ударившись о раму холста.

– Ты сегодня утром всех награждаешь сердечным приступом?

– Извини. Я глазом не моргну, когда друзья без приглашения входят ко мне в библиотеку, так что мои светские привычки... сильно поржавели. – Добрейший доктор начал снимать плащ. – Мы превращаемся в простолюдинов, Хастингс.

Джозайи пришлось улыбнуться, поскольку это была чистая правда. Члены небольшого кружка, известного как «Отшельники», имели ужасную привычку пренебрегать формальностями, а кабинет Роуэна являлся основным местом их встреч: туда являлись без приглашений, не предупреждая о визите. Более того, никого из друзей не волновали светские предубеждения, они напрочь забывали о таких мелочах, как необходимость постучать, прежде чем войти.

Роуэн бросил свой плащ на стул у двери.

– И это аморальная обитель художника? Выглядит как обычная мастерская, Джозайя. Или твой слуга прячет пустые бутылки и заталкивает голых девиц в буфет, когда у тебя гости?

– Очень смешно. Будь у Эскера на это время, думаю, он первым делом известил бы что у меня визитер.

– Не вини его. Я столкнулся с ним на лестнице. Поскольку же у тебя внизу нет звонка, я сказал ему, что не стоит беспокоиться. – Роуэн двинулся к столу, но тут же остановился. – А ведь сейчас белый день, Хастингс. По какой причине ты запалил три дюжины свечей, когда солнечный свет льется в окна?

– Я экспериментирую со светом. – Даже на собственный слух, Джозайя ответил с обидой в голосе, но он не любил сюрпризов, поэтому спросил: – Для твоего визита есть причина? Что-нибудь случилось?

Роуэн покачал головой:

– Нет. Насколько я знаю, все мы целы и невредимы. Эш с помощью Майкла составляет объявление в «Таймс», а когда оно будет опубликовано, мы встретимся и обсудим, как лучше действовать.

План у них был довольно простой. Они собирались ответить анонимному злодею, который преследовал их публичными вызовами в газетах. Приближалось время, когда «Отшельники» возьмут свое будущее в собственные руки, вместо того чтобы прятаться в

тени. Сокровища, которые они похитили у индийского военачальника во время побега, не просто обеспечили им безопасное возвращение в Англию. Драгоценности дали каждому солидное состояние и надежную возможность построить новую жизнь.

Но чего они не ожидали – так это того, что кое-кто заметит пропажу нескольких горстей камней и весьма этим озаботится...

– Я рисую, доктор, – пробурчал Джозайя. – Не хочу быть грубым, но я... занят. – Какое нелепое заявление! Ведь он, Джозайя, стоял перед пустым холстом без всяких мыслей. Но был слишком упрям и не желал признавать, что его баталия имеет мало отношения к музам и куда больше – к серой пелене перед глазами.

Роуэн проигнорировал его заявление и проговорил:

– Странно, не правда ли? Ведь творчество – божественный акт, то есть все эти поиски вдохновения, духовного озарения и передачи красоты... Знаешь, произведения искусства, которые я видел в музеях, кажутся весьма возвышенными. Тогда почему же художников так часто представляют людьми распушенными?

– Ты хочешь сказать, что мы – орудия Создателя, с помощью которых переносятся на холст правда и красота, и если так, то как вышло, что у нас такая скверная репутация?

– Да, вот именно. Так почему же?

– Не могу сказать. Наверное, это как-то связано с тревогами и опасениями общества, что мы слишком много времени проводим рядом с нагими женщинами. – Джозайя скрестил на груди руки. – Хотя... Считается допустимым взглянуть на картину и оценить женские формы за несколько мгновений. В том-то и ирония.

Роуэн рассмеялся.

– Значит, если я смотрю на изображение нагой нимфы, прыгая от восторга, то я ценитель искусства? А если ты проводишь недели, создавая эту самую картину, то ты извращенец?

– Точно. – Джозайя умышленно не менял тему – ожидал, когда Роуэн откроет истинную цель своего визита. – Ты пришел, чтобы заказать портрет? Или просто решил побеспокоить друга?

– Последнее. Я не могу отделаться от нарастающего беспокойства за тебя...

– Ты недавно женился, Роуэн, и женился счастливо, насколько мне известно. И, следовательно, твои мысли должны быть полностью заняты молодой женой, если я правильно понимаю ситуацию.

Роуэн пристально взглянул на друга.

– Джозайя, я ведь очень наблюдательный... У тебя что-то не так. Почему ты не приехал на мою свадьбу?

– Но я послал цветы. – Джозайя пожал плечами. – Ныне мне путешествия вредны. И у меня есть дела в городе.

– Это тебе-то путешествия вредны? Тебе что, девяносто лет? Послушай, ты давно сам не свой. На тебя не похоже...

– Возвращайтесь к своей молодой жене, доктор Уэст, – перебил Джозайя.

– Я уйду, когда во всем разберусь, Хастингс. Когда мы вернулись в Англию, ты был таким же непринужденным, как Эш. И таким же добродушным и беззаботным. Но что-то переменялось. Ты стал затворником.

– Я не в настроении общаться. Ведь это не преступление, верно?

– Джозайя, позволь мне осмотреть тебя, – сказал гость, и было ясно, что тот настроен весьма решительно – ни за что не отступит.

– Нет, Роуэн, потому что...

– Всякий раз, когда мы собираемся, ты устаешь, – перебил доктор. – Ты закрываешь глаза, словно голова тебя беспокоит... Я бы подумал, что ты переусердствовал в вакханалии артистического безумия, но ведь это тебе не свойственно. И ты не напиваешься.

– В самом деле?

– Да. Я медик, Хастингс, и алкоголика с пятидесяти шагов определю, а ты... Думаю, даже у монахов больше пороков и недостатков. Ты не пьешь, а только притворяешься в компании. Что же может заставить человека так поступать и столь серьезно рисковать своей репутацией в кругу близких друзей?

– Я художник, Роуэн. А моя репутация...

– Нет-нет, давай-ка разберемся. Ты что, болен?

– Это не твоя забота.

– Очень даже моя. Ведь ты мне не какой-нибудь знакомый, а друг. К тому же сейчас, когда разворачиваются такие события... Скажи, твое поведение – это действительно какой-то вид артистического недуга?

– А если я отвечу «да»? Ты тогда оставишь меня в покое, скажешь Майклу, чтобы прекратил опекать меня?

Роуэн ненадолго задумался.

– Если позволишь осмотреть тебя – то да, возможно.

Черт побери! Джозайя чувствовал себя загнанным в угол – как пойманный на лжи ребенок. Но гордость – это не то, от чего он хотел отказаться; гордость – его последняя опора и единственный щит, который имелся у него против... неизбежного.

– Если вы меня осмотрите, тогда вы мой доктор, Уэст. И дружбу в сторону, а вам придется держать при себе то, что я доверю, так?

– Да.

– Слово джентльмена?

– Слово медика, Джозайя. Но если тебе нужна другая клятва...

– Нет-нет, вполне достаточно.

Джозайя подошел к окну и скрестил на груди руки, собираясь с мыслями. Он не раз представлял, как сообщит новость Роуэну или даже Майклу, но в его фантазиях это было своего рода проявление храбрости, краткое заявление, во время которого он будет полностью контролировать себя, а потом спокойно продолжит заниматься своими делами. Но реальность – да еще в присутствии Роуэна – оказалась пугающей... Джозайя медленно повернулся к другу и тихо проговорил:

– Со мной ничего страшного. Я не умираю, Роуэн. Даю слово. Этого довольно?

– Нет.

«Черт, от него не отделаешься! Я практически признался, что проблема есть, и теперь он вцепится, как терьер в крысу, вытрясет все, что ему нужно...»

– Меня не нужно осматривать, доктор Уэст. Мои проблемы – это пустяки.

– Хорошо. Тогда поговорим о пустяках. А еще лучше – сними рубашку и начнем осмотр.

– Я слепну, Роуэн.

Уэст тихо выругался.

– Ты уверен?

Джозайя коротко кивнул.

– Да. С тех пор как мы вернулись в Англию, зрение неуклонно становится хуже.

– Насколько плохо сейчас?

Джозайя пожал плечами.

– Передо мной в основном только старый добрый лондонский туман и какая-то серая пелена, но я еще могу различать комнату и лица. И могу передвигаться по улицам. Порой

же туман сгущается в черные пятна, которые плавают вокруг. И я уверен: со временем они увеличатся в размерах и тогда туман превратится в темноту.

– О Господи... – прошептал Роуэн усаживаясь. – Подумать только... А я боялся найти у тебя чахотку...

Джозайя улыбнулся.

– Что ж, я рад избавить тебя от присутствия при моей агонии.

– Ты относишься к этому ужасно несерьезно, Хастингс!

– Видимость обманчива, Роуэн. А слепота – это только вопрос времени, и темнота непременно победит. И все же странно... Мы бежали из крошечной темноты подземной тюрьмы, но я каким-то образом унес темноту с собой – можешь себе такое представить? Обрести свободу только для того, чтобы понять, что в мире существуют и другие тюрьмы... Но теперь я уже спокоен и контролирую себя... Как могу. Единственная трудность в том, что я не знаю, сколько времени мне осталось. – Джозайя вернулся к холсту и тихо добавил: – Поверь, я неплохо справляюсь. Так что не нужно меня жалеть.

– Тебя смотрел профессионал? Ты абсолютно уверен, что...

– Да, Роуэн, да. На оба вопроса отвечаю «да». И нет от этого ни лекарства, ни лечения. Поэтому, предвосхищая твой следующий вопрос, сообщаю, что не собираюсь напрасно тратить время и силы на их поиски. – Переставляя на своем рабочем столе знакомые предметы, Джозайя добавил: – Если же это ваш обычный подход к больному, доктор Уэст, то вам есть в чем совершенствоваться.

– У тебя неправильно застегнуты пуговицы. Я должен был догадаться...

– Черт побери! Почему все так решительно настроены придирааться к человеку из-за состояния его сюртука?!

– Найми камердинера, если тебя это раздражает.

– Нет! Мне больше никто в этом доме не нужен! И без того трудно сосредоточиться. Я не инвалид, чтобы кто-нибудь завязывал мне галстук и натягивал на меня штаны!

Роуэн улыбнулся.

– Значит, скромная жизнь непризнанного художника тебе подходит?..

Джозайя тоже улыбнулся.

– Думаю, да, вполне подходит. Конечно, у меня солидное состояние, но я предпочитаю сам заботиться о своих пуговицах.

– По крайней мере ты можешь позволить себе столько свечей, сколько захочешь.

– Вот именно. Золотая жизнь! – Джозайя отмахнулся от горьковато-сладкого укола жалости к себе и проворчал: – А теперь оставьте меня наедине с моей живописью, доктор Уэст. И не забудьте закрыть за собой дверь. Художник требует уединения, когда работает.

– Джозайя, среди нас нет человека, который не оказал бы тебе поддержку, не предложил бы помощь...

– Нет, спасибо. Я не сомневаюсь в вашей дружбе, и у меня нет никаких вопросов относительно верности моих друзей, доктор Уэст. Но я слишком гордый. Да, гордыня – грех, но я хочу оставаться сильным так долго, как смогу. И не хочу жалости, хочу быть самим собой. Хочу рисовать и радоваться тому, что мне осталось. Я каждый день гуляю по Лондону, и я сам себе хозяин, Роуэн.

– Это не жалость, а...

– Ты все равно будешь нянчиться со мной, если я это тебе позволю, – перебил Джозайя.

– Нет, не сказал бы... – Роуэн поднялся и взял свой плащ. – Я сохраню твой секрет насколько получится, Джозайя. Но если дойдет до безопасности «Отшельников» или твоей безопасности... – Доктор умолк, но было ясно, что он хотел сказать.

Джозайя с улыбкой ответил:

– Другого я от тебя и не ожидал, Роуэн. Спасибо.

Молча кивнув, Уэст оставил друга наедине с его живописью.